

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: ПОЛЕМИКА ЦИВИЛИЗАЦИЙ

УДК 94(430).087

ББК 63.3(4Гер)

И. Пардон

ОБЪЕДИНЕНИЕ ГЕРМАНИИ ГЛАЗАМИ НЕМЕЦКОГО ИСТОРИКА (ПО ЛИЧНЫМ ВОСПОМИНАНИЯМ ВЫПУСКНИЦЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ЛГУ)

Автор, выпускница Исторического факультета Ленинградского государственного университета 1973 года, испытала переворот в ГДР осенью 1989 г. как очевидец, на должности директора Центрального Партийного Архива СЕПГ. Она описывает с личной точки зрения радикальные социальные изменения в Восточной Германии, в частности деиндустриализацию, смену элит и последствия этого для бывших граждан ГДР и ФРГ, для Европы и всего мира. В этом контексте обоснована необходимость изменения ее собственной карьеры. В центре внимания – германо-советские/русские отношения (история и перспективы) и забота о сохранении мира в Европе и во всем мире.

Ключевые слова:

американский империализм, безработица, «воссоединение Германии», германо-советские отношения, Германская Демократическая Республика, гонка вооружений, Европа, Ленинградский государственный университет, НАТО, опасность Третьей мировой войны, падение «Берлинской стены», распродажа государственной и народной собственности ГДР, Советская военная администрация в Германии (СВАГ), Социалистическая Единая Партия Германии (СЕПГ), Союз свободной немецкой молодежи (ССНМ), суггестопедия, Холодная война, Центральный партийный архив СЕПГ.

Пардон И. Объединение Германии глазами немецкого историка (по личным воспоминаниям выпускницы Исторического факультета ЛГУ) // Общество. Среда. Развитие. – 2015, № 3. – С. 85–91.

© Пардон Ингборг – кандидат исторических наук, дипломированный преподаватель, архивариус, директор, Берлинский центр иностранных языков «ДИАЛОГИКА», Берлин (Германия); e-mail: mistoria@mail.ru

Я очень благодарна Петербургскому университету, его историческому факультету и особенно кафедре Новой и новейшей истории. Возможность учиться там в семидесятые годы была для меня большой честью, своего рода наградой и шансом для профессионального развития. Выпускники советских вузов, университетов и академий высоко ценились в ГДР и считались хорошо подготовленными, квалифицированными, компетентными специалистами, с выдающимися способностями и самыми современными знаниями. Мы могли (и должны были) занимать ответственные должности на государственной, общественной службе в ГДР и выдерживать сравнение с соответствующими руководителями и специалистами, подготовленными в других странах.

Я всегда гордилась тем, что была выпускницей аспирантуры Ленинградского

государственного университета. Очень хорошо меня принял тогдашний заведующий кафедрой профессор Ревуненков, профессору Ворошилову я сдавала кандидатский экзамен по специальности. До сих пор я поддерживаю хорошие отношения с преподавателями кафедры, в частности, с Ариадной Александровной Петровой, а с Ниной Петровной Евдокимовой меня связывает многолетняя сердечная дружба.

Я одна из тех, кому исторический факультет ЛГУ дал путёвку в науку. Моя страна Германская Демократическая Республика и Советский Союз предоставили мне возможность учиться в аспирантуре в университете, с 1970 по 1973-й год я была аспиранткой кафедры Новой и новейшей истории.

Во время аспирантуры я занималась проблемами, касающимися установления дружественных отношений между немец-

кой и советской молодёжью в послевоенные годы (1945–1949). Это была интересная, захватывающая многогранная учёба. Дружба с немцами? Как это могло быть – сразу после такой жестокой, кровопролитной, с огромными потерями войны, начатой немцами? Дружба с русскими? Тогда это было немыслимо. Десятилетиями официальная правительственная пропаганда распространяла антисоветский образ мыслей, который прочно засел в сознании широких кругов населения Германии. Как это разрешилось, как удалось вступить на другой путь?

Моим научным руководителем был заведующий кафедрой политической экономики, профессор С.И. Тюльпанов. Он являлся также проректором университета. Его хорошо знали в ГДР, ещё с 45-го года. С.И. Тюльпанов в послевоенные годы стал очень известен как глава информационного управления Советской военной администрации в Германии (СВАГ).

Уже в моей дипломной работе я занималась вопросами германо-советских отношений после войны. В 1969 году, на научной конференции университета г. Росток, я представила результаты своих исследований вниманию советского гостя из Ленинградского университета – проф. Тюльпанову. Он предложил мне научную помощь в случае расширения темы для работы над кандидатской диссертацией.

И через год я смогла под его научным руководством продолжить свои исследования в местном университете, получить доступ к советским архивам, общаться с бывшими деятелями СВАГа, которые поддерживали восстановление Германии в разных сферах (хозяйство, промышленность, молодёжь, культура, печать и т.д.). Сергей Иванович имел контакты со своими бывшими сотрудниками, дал мне их адреса и многие из них мне помогли своими воспоминаниями, которые оказались ценными, уникальными устными источниками. Эта работа мне была очень дорога, и с некоторыми из этих ветеранов я переписывалась ещё несколько лет.

Я успешно защитилась в ноябре 1973 г. и вернулась на родину, в ГДР. Полученные в Ленинградском университете знания, умения и навыки реализовывались на разных этапах моей жизни. В ГДР все выпускники советских вузов получали ответственные, руководящие должности. Я работала 6 лет в ЦК Союза Свободной Немецкой Молодёжи (ССНМ). В ССНМ я была ответственна за исследовательскую группу университета города Росток, которая занималась историей мо-

лодежного движения, за «Центральный архив ССНМ», за издательство «Junge Welt», за молодежное радио и телевидение. Мы занимались революционными традициями и праздничными мероприятиями к историческим датам. Во время этой работы я лично познакомилась со многими легендарными личностями, например, соратниками Э. Тельмана и героями антифашистского сопротивления. Их стойкость и непоколебимые социалистические убеждения были хорошим примером для молодежи, и мы часто приглашали их на наши мероприятия для встреч и общения.

В 1980 г. я стала политической сотрудницей ЦК Социалистической Единой Партии Германии (СЕПГ), где пять лет проработала в молодежном отделе. Там я занималась примерно теми же проблемами, что и в молодёжном союзе, но уже на уровне партии.

Потом, в 1985 г., мне предложили работать в руководстве Центрального архива СЕПГ. Сначала я работала заместителем, а с 1990 г. – директором Архива.

Центральный партийный архив СЕПГ имеет самое богатое собрание архивных документов из истории немецкого рабочего движения от самого начала (Лассаля) до наших дней. В этом архиве хранятся труды (рукописи) Маркса и Энгельса, Бебеля, Меринга, Вильгельма и Карла Либкнехтов, Розы Люксембург и многих других.

Среди многочисленных документов и материалов в нём хранятся такие важные документы, как:

- исторический архив Коммунистической партии Германии;
  - письменные свидетельства деятельности антифашистского сопротивления в Германии (например, группы «Красная капелла») и деятельности участников сопротивления в эмиграции, например, во Франции, в Мексике (архивные материалы Национального Комитета Свободной Германии);
  - личные фонды/архивы выдающихся деятелей немецкого рабочего движения (Тельман, Пик, Ульбрихт, Гротеволь, Акерман и др. – более 600 фондов);
  - все документы СЕПГ, конечно, включая внутренний архив Политбюро ЦК СЕПГ;
  - обширный фотоархив;
- В структуре Архива были три технические мастерские (переплетная мастерская, микрофильмирование и реставрационная мастерская).
- Наш архив был известен во всем мире и имел хороший сервисный отдел. Мы под-

держивали связи со многими историками, исследователями, политиками, журналистами, режиссерами, биографами из разных стран.

У нас были отличные контакты с партийными архивами всех социалистических стран. С Центральным партийным архивом (ЦПА) КПСС в Москве мы даже вместе работали над изданием сборника документов о немецких военнопленных в Советской России, опубликованного в двух томах в 1994 г. в издательстве «К.Г. Саур Мюнхен»¹.

Мы сотрудничали также с архивами в Федеративной Республике Германии, например, с архивом Социальной Демократии (Friedrich-Ebert-Stiftung), архивом Социальной истории в Амстердаме, с архивами рабочего движения в Копенгагене, Осло и многими другими.

В конце бурных восьмидесятых и в начале девяностых годов (1989–1991) для архива начались тяжелые времена. Я как новый руководитель пыталась сохранить архив и отклоняла все предложения по разделению архива или его огосударствлению.

В это время в средствах массовой информации началась травля архива, нам предъявлялись всевозможные обвинения. Полиция (группой из 30 человек) обыскивала помещение и сотрудников архива под предлогом, что мы якобы спрятали важные документы, например документы о порядке пересечения границы между ГДР и ФРГ. Это, конечно, была политическая провокация.

Осенью 1989 г. СЕПГ не смогла более выполнять ведущую роль в общественной жизни ГДР. К сожалению, руководство СЕПГ полностью доверяло Горбачеву и опиралось на помощь и защиту СССР.

У СЕПГ (впоследствии ПДС – Партия Демократического социализма, сейчас «Левая» партия), также было много других проблем, а вновь образованное общество, распорядившееся деньгами партии, не хотело давать деньги на финансирование архива. Мне пришлось уволить большую часть сотрудников архива, хотя у нас было много работы. Мы даже увеличили количество мест в читальном зале для желающих работать с архивными документами.

СЕПГ должно было освободить занимаемое здание, и мы должны были перевезти все наши материалы/фонды в Институт марксизма-ленинизма. В это трудное время я искала себе союзников, которые могли бы открыто поддержать меня в вопросе сохранения архива. Я стала инициатором

создания специального общества поддержки архива и библиотеки. Членами «Общества...» стали наряду с коллегами-специалистами из разных архивов известные на западе историки, такие, как профессора Леонхардт, Вебер, Моммзен, Петер Брандт (сын Вилли Брандта), Нарихито Ито из Японии, Альфред Гроссер из Франции и многие другие известные личности.

В конце концов, нам удалось перевести архив в специальный фонд (Stiftung), где он мог продолжить свою работу. По поручению партии как собственника архива мне пришлось вести об этом долгие переговоры в министерстве внутренних дел, вплоть до положительного решения. Нашим условием было сохранение оставшихся сотрудников архива и библиотеки (80 человек). Все они были хорошими специалистами и могли успешно продолжать архивную работу.

Тем временем произошло присоединение ГДР к ФРГ, и прежние руководители повсюду были уволены. Первыми пополнили ряды безработных именно выпускники советских вузов, университетов.

Новое, теперь уже объединенное государство, сделало все, чтобы покончить с самостоятельностью архивов: Центральный архив СЕПГ, архивы профсоюзов, Союза Свободной немецкой молодежи, Культурного союза, Общества германско-советской дружбы и другие были принудительно объединены в единую государственную архивную систему.

Мне предложили работать в этом архиве на низкой должности. Мой опыт как руководителя теперь больше не был нужен. Это было для меня особенно печально и обидно, поскольку я как раз перед этим прошла в университете Гумбольдта двухгодичные вечерние курсы повышения квалификации по специальности «Архивное дело и архивная наука». Но и это меня не спасло – вопрос был решен по политическим правилам победителей на правительственном уровне.

Быть «пророссийски настроенной» стало вдруг моим большим недостатком и пятном в биографии.

Я не была исключением – на все руководящие должности бывшей ГДР назначались, как правило, западные немцы, зачастую без специального образования, без нужной квалификации и опыта руководящей работы. Решающим фактором для назначения была их политическая пригодность в глазах новых господ. А для них самих главное было – должность и высокая зарплата.

Присоединение ГДР к Федеративной республике Германии, переход к капиталистической системе – это было решение сверху. Конституция ГДР была полностью проигнорирована. Люди, бывшие тогда у власти, осуществили присоединение по договору, это **не было решением народа**. Не было тогда никакого референдума, никакого опроса населения! Это объединение произошло совсем недемократичным путем!

Почему же не стали спрашивать мнение народа? Власть имущие боялись, что результат опроса будет не таким, каким желали для себя крупные концерны, и каким он был запрограммирован в геополитических планах американцев.

Да, осенью 1989 г. тысячи людей в ГДР вышли на улицы. Всюду проходили массовые демонстрации, особенно в Лейпциге и в Берлине (в ноябре 1989 года). Большинство демонстрантов хотели более совершенного социализма и лучшей жизни для жителей ГДР. Они хотели убрать противоречия, несправедливость и надоевшую бюрократию, но не хотели капитализма.

Правящая партия и правительство ГДР были парализованы, они бездействовали, и только давали обещания... Таким образом, они уступили дорогу нескольким сотням тысяч человек, может быть даже миллиону активистов, но среди них – и группе контрреволюционеров, которые оплачивались Западом. Политическое руководство не поспевало за их стремительными действиями...

А что же остальные 16 миллионов? Они просто ждали, что будет дальше и... ничего не делали!

1 ноября 1989 г. состоялась встреча между Горбачевым и Эгоном Кренцом (преемник Хонекера) в Москве². Горбачев говорил на встрече, что в последних разговорах с Маргарет Тэтчер, Миттераном, Андреотти и другими стало ясно, что все исходит из дальнейшего существования двух немецких государств. «Воссоединение» Германии не стоит на повестке дня, утверждал Горбачев, хотя он по тайным каналам уже договорился с Западом о совершенно ином.

9 ноября 1989 г. правительство ГДР приняло закон о свободном, безвизовом пересечении западных границ. Так пала Берлинская стена! Воодушевленные победой люди всю ночь праздновали в Западном Берлине и надеялись на новую жизнь, «счастливую и свободную».

Правда, 98% людей из ГДР, праздновавших падение стены в Западном Берлине,

вернулись на следующий день к своим рабочим местам в ГДР. (Кстати, в нашей семье, мы уже 37 лет отмечаем 9-е ноября! Это день рождения нашего сына).

Через год, 3 октября 1990 г., состоялось официальное присоединение ГДР к ФРГ. Я провела этот день в Западной Германии на Архивном конгрессе в городе Карлсруэ. Там мои западные коллеги даже попросили меня выступить с докладом о работе Центрального партийного архива СЕПГ, его фондах и истории и тепло приветствовали меня в кругу специалистов.

К моменту присоединения многие жители ГДР уже имели собственные представления о блистательном и манищем западном мире – хорошие и плохие. Люди скоро почувствовали разницу между западными телепрограммами и настоящей жизнью, они и раньше знали о многочисленных проблемах капиталистической системы.

Миллионы людей именно в восточной части Германии вскоре остались без работы, так как их предприятия были закрыты. Началась чудовищная распродажа государственного и народного имущества ГДР. Полки магазинов освободили для западных товаров, отечественные предприятия не выдерживали конкуренции и закрывались одно за другим, среди них – и очень современные промышленные центры, научные институты и организации. Всемирно известное кораблестроение ГДР было сокращено на 10–20%; большие знаменитые предприятия металлообрабатывающей и полиграфической промышленности, предприятия по производству удобрий, вагоностроения, по производству мотоциклов, стиральных машин и многие другие комбинаты были полностью закрыты.

Из 150 генеральных директоров всего 3(!) имели возможность продолжить работу на своих предприятиях. Некоторые из них стали консультантами на гонорарной основе. Западные капиталисты покупали ГДР-овские фабрики за символическую 1 «Дойче»-марку и сразу же закрывали их. Вот каким образом, западные фирмы «победили» конкурентов в ГДР³! Присоединение ГДР привело и к быстрому перераспределению общественной собственности народа ГДР в частную собственность.

В течение короткого периода времени, промышленность оказалась в руках собственников: западных немцев из ФРГ – 90%, иностранцев – 5% и восточных немцев – 5%. Таковы результаты «объединения» западной и восточной Германии.

Люди быстро поняли: то, что они теперь могли «свободно» говорить и критиковать, никому было неинтересно, и уж тем более не вело к перемене. И сейчас ничего не изменилось. Мы все можем «свободно» путешествовать, но далеко не у всех для этого есть деньги.

Поэтому понятно, что опрос народного мнения о результатах воссоединения Германии мог бы принести Западу совсем неожиданные и нежелательные результаты...

В это время многие восточные немцы почувствовали несправедливость: зарплаты и пенсии на востоке были ниже, чем на западе, громадная безработица, снижение социальных выплат... Разве об этом мечтали люди, участвуя в массовых демонстрациях 1989 года? Каждый должен был принимать трудные и важные для себя решения: как жить дальше? что делать?

В Германии в это время было реально 12 миллионов безработных!

Многие молодые люди эмигрировали из Германии, покинули родину. Пожилые люди выходили на пенсию раньше положенного срока и получали небольшую пенсию с вычетами.

Многие тяжело болели: раком, депресией, психическими заболеваниями. Они страдали от разочарования и чувства несправедливости, потому что честно работали всю жизнь и боролись за лучшее будущее, а теперь вернулись прежние капиталисты. Многие очень боялись остаться без работы и потерять источник существования.

Многие не выдержали свирепствовавшего тогда «синдрома Штази (Госбезопасности)» (Штази – это немецкий аналог КГБ). С этим было связано потеря уважения/репутации, общественное осуждение, унижение. При этом многие подозрения в сотрудничестве со «Штази» были необоснованными. Архивы госбезопасности ГДР открывались под натиском толпы, а некоторые даже брали штурмом. В то же время архивы службы разведки ФРГ до сих пор остаются секретными. Сотни тысяч людей стали алкоголиками, наркоманами, многие покончили жизнь самоубийством. Журнал «Штерн» уже 1-го февраля 1990-го года писал о драматически выросшем числе самоубийств⁴. Но об этих случаях не принято было говорить. Сейчас, спустя 25 лет, вышла книга о «жертвах переворота»⁵.

Нам с мужем было тогда по 40 лет, и мы могли ещё начать новую жизнь и сделать новую профессиональную карьеру. Будучи выпускником Ленинградской военной

академии, мой муж не захотел стать офицером западной армии НАТО и открыл свою фирму в области инженерной экологии.

Параллельно мы решили основать Институт иностранных языков «Диалогика». Таким образом, решение начать собственный бизнес было семейным. Мой супруг поддержал меня, и мы решили взять кредит для обустройства нашего института (центра обучения иностранным языкам). Сумма кредита составила 150 000 евро под залог нашего дома.

Во время учёбы я стала наряду с историей изучать вторую специальность – германистику – и успешно сдала экзамены, чтобы иметь право преподавать немецкий язык. В нашем собственном институте это было очень удобно, поскольку было много желающих изучать «немецкий язык для иностранцев». Так что опыт преподавания немецкого языка я получила в моём институте, и сейчас я могу преподавать мой родной язык в Вашем университете (СПбГУ – *ped.*) как носитель языка.

Мой отец, кстати, после войны приобрёл специальность учителя русского языка и преподавал его до самой старости. Конечно, в начале у нас были большие сомнения, сумеем ли мы утвердиться в этой капиталистической системе, ведь у нас не было практического опыта работы в капиталистическом хозяйстве, мы не знали этой юридической и финансовой системы, не сталкивались с уплатой налогов, оплатой аренды и т.д. Зато мы быстро поняли и должны были применять систему самоэксплуатации, когда всё надо делать самому, причем постоянно, без отдыха и фактически без перерыва. В немецком языке предпринимательство как раз и обозначают два слова, а именно «selbst» – сам и «ständig» – постоянно. Мы знаем, что многие из тех, кто попытался открыть свое дело, но не смог так интенсивно работать, становились банкротами и вынуждены были закрыться.

Нам с мужем удалось выжить за счет колоссальных затрат наших сил, энергии и здоровья. Наш обычный рабочий день был не меньше 12 часов, отпуск получался крайне редко, а больничный мы никогда не могли себе позволить. И такой ритм – в течение 18 лет!

Как на любом предприятии в капиталистическом хозяйстве и у нас были успешные и тяжелые времена. Раньше мы только читали об этом в книгах, но теперь сами смогли испытать это. Мы пережили два тяжелых кризиса, из-за недостаточного спроса были и на пороге банкротства.

Нашими слушателями были, в основном, частные лица, которых направляют фирмы, или биржа труда (служба занятости), которая оплачивает обучение. У людей, владеющих иностранным языком, особенно английским, намного больше шансов получить хорошую работу или повышение по службе.

Нет необходимости подробно говорить о сложной экономической стороне частного бизнеса. Но каждый может себе представить, сколько проблем связано с работой такого частного института: нужно вовремя заплатить аренду (6 тыс. евро в месяц за 12 кабинетов в центре города), зарплату преподавателям, затем – страховку, налоги, материальное обеспечение...

Первые годы я обходилась без помощников в бюро, работала каждый день с семи утра до девяти вечера. Потом у меня было 5 сотрудников. Если кто-то заболел, всегда не хватало денег, чтобы оплатить его замену. Всеми этими проблемами должна была заниматься я как руководитель. Вообще, я должна была делать многое: писать программы и планы, нанимать доцентов и преподавателей, вести беседы с нашими будущими или потенциальными слушателями, вести всю отчетность и сотрудничать с финансовыми и налоговыми органами, со страховыми компаниями, договариваться с центром занятости (с биржей труда), сочинять и распространять рекламу (проспекты, афиши, мы даже сделали небольшой фильм для Интернета) и многое другое. Нас поддерживало то, что у нас были замечательные связи с институтами DIALOGICA в Швейцарии. Один раз в год мы ездили туда для обмена опытом, а швейцарцы приезжали к нам в Берлин.

Я еще ничего не сказала о том, что нас больше всего тревожило и пугало на закате социализма. Это вопрос войны и мира!

Мы никогда не могли себе представить, что в Европе могут опять начаться войны. Сначала в Югославии, и вот теперь – на востоке Украины.

Борьба капиталистической системы за власть и мировое влияние переносится в соседние государства с помощью насилия. В этом отношении я полностью согласна с российским президентом Путиным. Он сказал, что разрушение Советского Союза было самым трагичным событием прошлого века. Результатом этого будут все новые и новые войны во всем мире. Гонка вооружений становится еще сильнее, чем во времена Холодной войны! Во многих государствах появляются фашистские организации, реализуются разные геополитические и шовинистические интересы,

действуют террористические структуры на основе религиозных противоречий и расистских убеждений. Исламский фундаментализм привел к самой большой с конца Второй мировой войны волне беженцев, а левые партии везде – довольно слабые и расколотые. Таким образом, опасность третьей мировой войны становится, к сожалению, все реальнее. По моему мнению, фитиль уже тлеет...

Известный немецкий поэт Бертольд Брехт предостерегал: великий Карфаген вел три войны; после первой он еще был могущественным, после второй – в нем еще можно было жить (он еще был пригоден для жизни), после третьей он перестал существовать. Германия, точнее германский империализм, был инициатором двух ужасных войн. Они принесли смерть, разрушения и страдания многим народам, и особенно русскому народу и другим народам Советского Союза.

Экономический упадок Советского Союза в период так называемой перестройки, предательство Горбачева в период переговоров с Западной Германией и буквальная продажа ГДР, затем – объединение Германии, потрясения и трансформации в странах Восточной Европы, одностороннее расторжение Варшавского договора, в результате которого советские войска вышли из Центральной Европы, а НАТО и их атомное оружие осталось; наконец, катастрофическое развитие России при Ельцине – всё это нарушило относительное равновесие сил и закончило эпоху Холодной войны. А шансы создания новой коллективной системы безопасности, включая Россию, не были использованы.

Все это не принесло миру спокойствия и благополучия. Наоборот, в мире возродилась прежняя ненависть к России, ожили старые клише и страхи, к сожалению, это произошло и происходит и в моей стране⁶.

Американский империализм по-прежнему стремится к тому, чтобы избавиться от России как главного конкурента, чтобы потом расправиться со следующим конкурентом – Китаем.

На американцах лежит ответственность и за войну на Украине. Для них приемлемы любые средства, лишь бы ослабить Россию. НАТО постоянно продвигает свои вооруженные силы к российским границам. Для этого они используют своих европейских прислушников: Польшу, Германию, Румынию, Эстонию, Латвию и

др. А ведь за согласие Горбачева на воссоединение Германии НАТО обещало не распространяться на Восток!

В реальности же делается прямо противоположное. Боевые действия, не без политической и моральной поддержки НАТО, идут уже в восточной Украине. И снова Германия против России, хотя и по указанию НАТО.

Столкновение между немцами и русскими, безусловно, обрадовало бы американцев. Они бы усмехались издали, приближаясь к своим целям мирового господства. В начале Великой Отечественной войны Трумэн сказал, «если мы увидим, что Германия побеждает, мы должны помогать России, а если мы увидим, что победит Россия, мы должны помогать Германии. Таким образом, мы должны позволить им убивать друг друга как можно больше».

Во все периоды российско-германских отношений, в конечном счете, всегда про-

исходило «строительство мостов» между Германией и Россией.

Понимание необходимости сохранения мирных и дружественных отношений, развития сотрудничества между Германией и Россией в разных областях общественной жизни, а также в экономике, культуре, науке, торговле, но в первую очередь, в сохранении и поддержании мира сопровождало меня всю мою профессиональную жизнь. Такие отношения были бы благоприятны для народов Европы и всего мира.

Я знаю, что если люди вместе работают, общаются, они не станут так быстро стрелять друг в друга. Наверное, поэтому треть своей профессиональной жизни я посвятила обучению людей иностранным языкам, чтобы они могли общаться и лучше понимать друг друга.

Мир, дружба и охрана окружающей среды – это, на мой взгляд, наши самые важные задачи!

¹ Эта научная работа была бы невозможна и бессмысленна без моего обучения в аспирантуре ЛГУ. На вечернем пленарном заседании научной конференции, посвященной 100-летию начала Первой мировой войны, на историческом факультете СПбГУ в декабре 2014 г. я имела возможность рассказать об истории этой публикации и передать уникальный двухтомник заведующему кафедрой проф. Барышникову как подарок.

² См. Эгон Кренц. Осень 1989 года / Пер. с нем. – М.: Издательство Московского гуманитарного университета, 2009.

³ Экономисты опубликовали позже, что 1/3 предприятий ГДР были конкурентноспособными на мировом рынке. Для 1/3 нужны были 2–3 года адаптации и небольшие изменения, чтобы дальше существовать и успешно работать в рыночной системе, и всего 1/3 была неконкурентоспособной. Но новая власть вместе с западными конкурентами уничтожила большинство социалистических предприятий. Какой громадный ущерб, какие потери для немецкого народа! За этим последовала приватизация... Среди банков и крупных предприятий в Германии почти нет государственных. И сегодня, спустя 25 лет, из 30 самых крупнейших акционерных обществ Германии нет ни одного на территории Восточной Германии. Промышленный потенциал ГДР, до переворота в 1989 года находившийся на 10-м местев мире, разрушен.

⁴ Один из моих бывших коллег, Детлеф Дальк, повесился 4.3.1992 на балконе своего дома. Он оставил после себя открытое письмо канцлеру Г. Колю, в котором он протестовал против нового закона «Возврат вместо возмещения». Сотни тысяч людей на территории ГДР, согласно этому закону, потеряли свои дома или дачи в пользу «возвращающихся» с запада людей, которые бежали туда после войны. Это были члены фашистской партии, промышленники, юнкеры, милитаристы и фашистские военнослужащие, князья, крупные землевладельцы, нацистские преступники или просто пассивные сторонники нацистов или их потомки. У всех у них была совесть нечиста, и они боялись «русских мстителей», поэтому после войны они бросили свои дома и бежали на запад. Граждане ГДР официально могли купить у государства такую собственность.

⁵ Klaus Behling “Plötzlich und unerwartet...” Selbstmorde nach der Wende und Einheit. – Berlin: Edition “Berolina”, 2015 (Клаус Бэлинг «Внезапно и неожиданно...» Самоубийства после переворота и объединения. – Берлин: Изд-во «Беролина», 2015).

⁶ В Германии происходит угрожающий процесс переоценки причин, сущности и результатов Второй мировой войны. Якобы фашистская Германия и Советский Союз в одинаковой мере ответственны за эту войну. Советский Союз постоянно называют агрессором. Освобождение восточных немцев на самом деле произошло якобы в 1989 году... Подвиги и жертвы со стороны СССР для победы над фашизмом преуменьшают, а вклад западных держав – преувеличивают. Немецкий народ все больше показывает роли жертвы и односторонне обвиняют Советский Союз в возникновении Холодной войны.